

ры, социокультурные лифты, феномен двухслойной амальгамы, двойной код.

Для цитирования: Кондаков И.В. Массовая культура: опыт теории относительности // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 5. С. 516–523. DOI: 10.25281/2072-3156-2017-14-5-516-523.

Существует стойкое предубеждение: современная массовая культура (МК) имеет зарубежное, точнее — западное происхождение, еще чаще утверждается, что она является порождением США и распространяется по миру Голливудом. В советское время выражение «массовая культура», как правило, сопровождалось постоянным эпитетом «буржуазная». Во всех этих представлениях содержится немалая доля истины. Немалая, но далеко не вся.

Главное заблуждение относительно МК заключается, во-первых, в том, что она возникла не в XX в., а была и есть в каждой национальной или этнической культуре изначально, т. е. в каждой культуре существуют свои предпосылки для становления, развития и сохранения своеобразной МК. В то же время это означает, что МК органически присуща человеческой культуре вообще и является ее неотъемлемой составляющей во все времена, начиная с доисторических времен и кончая текущей современностью, как ее массовидные формы, существующие наряду с индивидуальными, персонифицированными.

Во-вторых, происхождение и истоки МК не могут иметь какое-то однозначное этнонациональное или региональное (например, американское или западноевропейское) происхождение, что не исключает преимущественных влияний той или иной национальной культуры на развитие МК в разные культурно-исторические эпохи. Например, одним из первых феноменов МК, имевших всемирно-историческое значение, была эллинистическая литература, прежде всего эллинистический роман (от «Дафниса и Хлои» Лонга и «Эфиопики» Гелиодора до «Золотого осла» Апулея). Позднее такую же роль сыграла итальянская новелла Возрождения; еще позже — западноевропейский плутовской роман. Затем на историческую сцену пришел исторический роман — плод западного романтизма (В. Скотт, В. Гюго, А. Дюма и др.).

В-третьих, МК не может считаться продуктом какой-то одной общественно-исторической формации (например, буржуазной), но в рамках любой из них (в том числе и социалистической) находит свои специфические формы репрезентации — доиндустриальные, индустриальные и постиндустриальные. И каждая конкретно-исторически обусловленная форма МК имеет потенциал глобального распространения — с учетом этнонациональной и региональной специфики.

Например, дворянская МК во Франции XVII в. и России XVIII в. (при всей зависимости русской дворянской культуры от французской) во многом отличались друг от друга — и в социально-политическом, и в художественно-поэтическом отношении (оды Ф. Малерба и М. Ломоносова, сатиры Н. Буало и А. Кантемира, трагедии Ж. Расина и А. Сумарокова, комедии Ж.-Б. Мольера и Д. Фонвизина, басни Ж. Лафонтена и И. Крылова), но не настолько, чтобы не увидеть общность стиля классицизма. Афроамериканский по происхождению джаз сегодня распространен во всем мире, а различия его национально-региональных версий (латиноамериканской, французской, российской, японской и т. п.) не очень существенны по сравнению со спецификой джаза. Важную роль здесь играет общий культурно-исторический контекст развития и распространения МК в разные эпохи и в различных регионах.

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Согласимся, что МК существовала всегда, но исторически менялась, приобретая в каждую культурную эпоху свои специфические (структурно-функциональные) черты, вместе с изменением представлений о массах и культуре, типах социокультурной идентичности, степени сплоченности социально-психологических общностей и формах интегрированности/дифференцированности культур. А эти представления — с древнейших времен вплоть до современности — менялись постоянно и довольно радикально, сохраняя при этом и общие свойства МК.

Общими (метаисторическими) функциями МК во все культурные эпохи остаются одни и те же: общеинтересность содержания, доступность (клишированность, формульность¹) изложения, динамизм тематического развития, универсальность и простота жанров, увлекательность восприятия массовым реципиентом, установка на развлечение и психологическую разрядку потребителей как самоцель. Как результат — максимально широкая распространенность текстов МК среди носителей данной (этнической, национальной или региональной) культуры на всех ее уровнях. Речь идет о том, что одни и те же тексты МК могут быть по-своему востребованы как широкими и непритязательными массами из низов, так и представителями социальной и культурной элиты, будучи интерпретированы и оценены по-разному, даже взаимоисключающим образом. Например, ранние рассказы М. Горького разными

¹ Понятия «формула» и «формульность» применительно к массовой культуре ввел Дж. Кавелти [1], однако Д.С. Лихачев использовал похожие понятия применительно к древнерусской литературе гораздо раньше, см., например: [2; 3].

представителями современной ему культуры прочитывались то как неоромантические и символистские произведения, то как социальный реализм, граничащий с натурализмом. И для того, и для другого подобная интерпретация имела основание.

МК выделилась из традиционной (народной) культуры и всегда, в той или иной мере, сохраняла с ней связь. Можно даже сказать, что МК родилась из «духа народности». В различных этнонациональных культурах степень близости к народной культуре и формы ее воплощения неодинаковы. Чем дальше исторически сохраняется в массовом употреблении традиционная (народная) культура, тем теснее с ней в дальнейшем связи у данной национальной разновидности МК (проявляющиеся в своеобразном фольклоризме, тематизме, метафоризме, морализме и популизме).

Так, в истории русской культуры обращение к народной сказке [4] выполняло различные художественные, идеологические и патриотические функции, исторически трансформировавшиеся почти до неузнаваемости. Достаточно упомянуть «Повесть о Петре и Февронии» Ермолая-Еразма, «Пересмешник» М. Чулкова и «Русские сказки» В. Левшина, «Сказки» А. Пушкина и «Сказки» М. Салтыкова-Щедрина, «Сказки» Ф. Сологуба, русские народные сказки в переложении А.Н. Толстого и «Уральские сказы» П. Бажова. При всем принципиальном различии этих разнородных текстов в них узнаётся именно русская фольклорная сказка — со всеми ее жанрово-стилевыми особенностями.

Однако заметна здесь и общая всемирно-историческая тенденция — убывание прямой связи МК с фольклором и традиционной культурой; при этом отношения МК с архаикой, мифологией, ритуалом и т. п. в различных формах сохраняются в дальнейшем и носят циклический характер. В результате утрачиваются текстуальные связи МК с фольклором и мифологией, но остаются структурно-функциональные связи с архаическими компонентами культуры как глубинными структурами текстов МК. В этом отношении показательно, что структурные мотивы и сюжетные формулы, открытые и обобщенные В.Я. Проппом [5], применимы не только к фольклорным текстам, но и к текстам современной МК (текущей беллетристике, приключенческим и детективным фильмам и телесериалам, мюзиклам, комиксам и т. п.).

Каждая разновидность МК в той или иной степени сохраняет свою этнонациональную и цивилизационную идентичность, что обеспечивает ее массовую узнаваемость и востребованность всем населением страны. Однако этнонациональная (шире — локальная) идентичность МК сохраняется в контексте чужих культур в качестве «этники», своего рода мотивно-тематической экзотики, которая может представлять не только познавательный, но и развлекательный интерес.

Уже в «Молении» Даниила Заточника (рубеж XII—XIII вв.) серьезные размышления о природе власти и подчинения «разбавляются» не только библейскими цитатами, но и почти скоморошьям балагурством, пересыпаются ходячими пословицами и поговорками, демонстрирующими не только книжную, но и житейскую мудрость просителя, своими корнями связанного с народной средой.

На протяжении XIX в. роль «этнической экзотики» играли ранние произведения Н. Гоголя, связанные с малороссийским колоритом («Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород»), и более поздние украинские повести и рассказы Марко Вовчок. Таковы, например, кавказские мотивы у А. Пушкина, М. Лермонтова, Л. Толстого; цыганские мотивы А. Пушкина, Л. Толстого, Ф. Достоевского, М. Горького. В XX в. аналогичную роль выполняют индийские и китайские фильмы, бразильские и мексиканские сериалы, аргентинская и кубинская танцевальная музыка, афроамериканский джаз, неаполитанские песни, французский шансон и т. п. Характерной в этом отношении является и эстрадная советская песня 1960-х гг., возникшая в интернациональном альянсе Р. Рождественского (Евг. Евтушенко, А. Вознесенского), А. Бабаджаняна и М. Магомаева.

В то же время все этнонациональные разновидности МК обладают определенной совокупностью общих черт, обусловленных общностью социально- и культурно-исторических условий, что обеспечивает универсальность и надэтничность МК, преодолевающей любые границы и соответствующей глобальным тенденциям той или иной эпохи. В каждую культурно-историческую эпоху МК принадлежит не только локальным, но и глобальным процессам своего времени. В этом отношении сила традиций, например европейского плутовского романа или голливудского кинематографа, заключается в выявлении универсальных сюжетно-тематических формул, поддерживающих интересы зрителей различных национальностей, эпох и возрастов.

Сочетание в каждой этнонациональной или культурно-исторической разновидности МК локальных и глобальных черт индивидуально и неповторимо. Но именно от этого сочетания общего и особенного зависит ее распространение и актуальность в больших или меньших масштабах в качестве глобального (для данной исторической эпохи) феномена. Замечательным примером такого социокультурного феномена, своими корнями уходящего в толщу массовой, «низовой», а нередко и традиционной (народной) культуры, является советское бардовское движение, начавшееся в период оттепели (с середины 1950-х гг.) и в какой-то мере продолжающееся в постсоветский период. Растущий во всем мире (от Америки до Китая) интерес к этому феномену во многом связан с такими крупными и яркими инди-

видуальностями, представляющими бардовское движение, как Б. Окуджава, В. Высоцкий, Ю. Визбор, А. Галич, С. Никитин, А. Городницкий и др. Они сохранили в своем творчестве органическую укорененность в МК и в то же время элитарную самобытность и интеллектуальную глубину.

То же можно сказать и о региональных феноменах культуры. Многие русские писатели были тесно связаны как с традиционной культурой, так и с массовой того края, где они родились и выросли, когда-то жили и творили. Так, с Центральной Россией были творчески связаны И. Тургенев, Л. Толстой, Н. Лесков, И. Бунин, С. Есенин; с Поволжьем — Г. Державин, Н. Карамзин, И. Гончаров, Н. Добролюбов, Н. Чернышевский, Н. Огарев, М. Горький; с Уралом — Ф. Решетников, Д. Мамин-Сибиряк, П. Бажов, В. Астафьев; с Сибирью — А. Гребенщиков, В. Зазубрин, В. Распутин, В. Шукшин; с Одессой — И. Бабель, Э. Багрицкий, И. Ильф и Е. Петров, Ю. Олеша, В. Катаев, М. Жванецкий. Печать специфически-региональной культуры до конца сохранялась в творчестве этих писателей, но постепенно у них вызревал и нарастал потенциал общенациональных и глобальных обобщений, опиравшийся на фундамент регионализма и местной МК.

«НИЗКОЕ» И «ВЫСОКОЕ»

Массовая культура всегда существует и функционирует в общем контексте культуры как ее часть, составляющая, и сохраняет определенные отношения с элитой и элитарной культурой. Это может быть взаимное отталкивание, параллельное сосуществование или одновременное совмещение массовости и элитарности (в тех или иных формах). МК по-своему присутствует во всех других частях актуальной культуры, оказывая косвенное влияние на развитие элитарной и популярной (средней между массовой и элитарной) культуры, а также на состояние и границы распространения традиционной (народной) культуры в каждую культурно-историческую эпоху [6]. Все «этажи» актуальной культуры оказываются «сообщающимися сосудами».

В содержательном плане МК может находиться с остальными частями данной культуры в качественно различных отношениях: критики, одобрения, подражания, стилизации, пародии, иронического острания, гротеска и т. д. Но в той или иной форме связь МК с другими частями культуры своего времени обязательна; в противном случае МК не была бы всеохватной и массовидной, т. е. так или иначе востребованной всей актуальной культурой своего времени, каждой ее частью. Так, рядом с писателями — основоположниками русской литературной классики существовали беллетристы средней

руки — В. Нарезный, А. Лажечников, М. Загоскин, А. Бестужев-Марлинский, Н. Полевой, А. Вельтман, Ф. Булгарин, О. Сенковский (Барон Брамбус), собственно и представлявшие масскульт первой половины XIX века. Отношения тех и других складывались остро, драматично, нередко взаимно язвительно. А. Пушкин и Н. Гоголь не уставали зло высмеивать своих более удачливых и популярных у читателей конкурентов как низкопробных литераторов. Те же, в свою очередь, считали свой успех у читателей заслуженным, доказывающим подлинность и историческую востребованность их творчества, в отличие от произведений «писателей-аристократов». Впрочем, вольно или невольно, тексты МК оказывали большое влияние на классическую литературу — как проблемно-тематически, так и эстетически [7; 8], сближая ее с низовыми течениями культуры и пронизывая ее «духом народности».

В этом или подобном качестве МК встраивается в состав (и архитектуру) актуальной для своего времени культуры народа и страны (занимая в ней срединное положение), а также в типологию культур своего времени и региона (локуса) как общий компонент любой конкретно-исторической культуры. Такое место в русской литературе и культуре XIX в. заняла «натуральная школа», поддержанная В. Белинским и способствовавшая развитию русского реализма и натурализма. Из «натуральной школы» вышли многие русские классики второй половины XIX в. (от И. Тургенева до Ф. Достоевского) [9], хотя сама «натуральная школа» (и большинство ее авторов) остались явлением массовой беллетристики.

В общем виде архитектура актуальной культуры каждой конкретной исторической эпохи включает несколько уровней, располагающихся ступенчато — по ценностно-смысловой «вертикали» сверху вниз, каждый раз расширяя круг своих реципиентов (см. рис.).

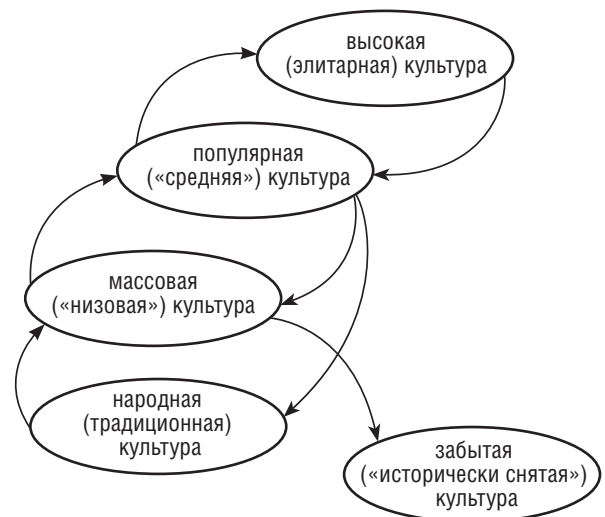

Рис. Архитектура актуальной культуры

Между этими уровнями складываются динамические отношения, предполагающие историческое перемещение культурных текстов и их авторов с одной ступени на другую — как вверх, так и вниз по ценностно-смысловой шкале. Так, тексты МК могут со временем стать народными, утратив авторство, или вообще быть забытыми своими реципиентами; но эти же тексты МК могут подняться до популярных, т. е. широко распространенных среди разных субкультур и культурных разновидностей.

Так, в XIX в. почти в одном ряду с классикой фигурируют такие писатели, как Марко Вовчок, А. Писемский, М. Авдеев, Н. Ахшарумов, Вс. Крестовский, Н. Помяловский, П. Боборыкин, В. Авенариус, Д. Мордовцев, Г. Успенский, Е. Салиас, В. Авсеенко, А. Шеллер-Михайлов, Б. Маркевич, Д. Мамин-Сибиряк, И. Потапенко и др. Все они, конечно, принадлежат — разными своими гранями — массовой культуре, но в какое-то время они становятся популярными (превосходя по популярности многих классиков), а затем в большинстве своем низвергаются в пучину забвения.

В некоторых, правда, довольно редких случаях произведения МК даже имеют шанс стать высокой классикой, завоевав своего рода статус элитарности. Лучший пример — главные романы А. Дюма (трилогия «Три мушкетера» и «Граф Монте-Кристо»), а в русской культуре, пожалуй, «Бедная Лиза» Н. Карамзина и «Что делать?» Н. Чернышевского. Однако само балансирование между классикой и МК — не такое уж редкое явление в истории культуры. Пожалуй, ни один русский классик XIX в. — от А. Пушкина до М. Горького — не прошел мимо соблазна окунуться в массовую культуру/литературу и попробовать себя в ней.

В то же время культурные тексты, первоначально принадлежавшие высокой, элитарной культуре своего времени, постепенно могут перейти в категорию популярных и даже опуститься на уровень МК (или стать народными, т. е. влиться в традиционную культуру), утратив авторство и стилевую индивидуальность. Это произошло, например, с некоторыми стихотворениями А. Пушкина, А. Кольцова, Н. Некрасова, С. Есенина, баснями И. Крылова, крылатыми выражениями А. Грибоедова, Козьмы Пруткина, М. Салтыкова-Щедрина и т. д.

Тот или иной ценностно-смысловой статус различных текстов культуры обусловлен исторически и типологически. Так, классические тексты, будучи включены в учебные школьные программы, почти автоматически превращаются в тексты МК с соответствующим «понижением» своего ценностно-смыслового потенциала. Это произошло, например, с такими произведениями, как «Дубровский», «Евгений Онегин» и «Капитанская дочка» А. Пушкина; «Мцыри» и «Песня про купца Калашникова» М. Лермонтова; «Ревизор» и «Мертвые души» Н. Гоголя, «Записки охотника» и «Отцы и дети» И. Тургенева.

В каждую культурно-историческую эпоху социокультурные «лифты» действуют одновременно в обе стороны: одни ценности «поднимаются» до элитарных; другие «опускаются» до МК или трансформируются в народную культуру. Границы между высокой классикой и популярной культурой, а также МК — постоянно размываются и преодолеваются; а некоторые из ценностей культуры вообще перестают быть ценностями и предаются забвению, как правило, необратимо. В лучшем случае «забытые» (исторически «снятые») тексты культуры сохраняют свою культурно-историческую ценность как специфический предмет исследования, интересный лишь для узких специалистов, и то больше как культурный фон, идейный контекст для других, более высоких по своему статусу явлений [10].

Иногда такие тексты меняют своего адресата, превращаясь, например, из литературы для взрослых — в детскую (например, «Руслан и Людмила» А. Пушкина, «Вечера на хуторе...» Н. Гоголя, «Ашик-Кериб» М. Лермонтова, «Детские годы Багрова-внука» С. Аксакова, «Детство. Отрочество. Юность» Л. Толстого, «Сон Обломова» И. Гончарова, «Мальчик у Христа на елке» Ф. Достоевского, «Народные рассказы» Л. Толстого и т. д.).

При этом ведущим элементом, определяющим эту динамику, является именно массовая культура, выдвигающая из своей среды «сверхценности» элитарной культуры и ценности популярной или поглощающая, растворяющая их в себе, сознательно или бессознательно нивелируя их. МК вырабатывает — по отношению к своему культурно-историческому «окружению» — основные механизмы социокультурной динамики. При этом МК, как и элитарная, и популярная, и традиционная культура, обладает переменным статусом и подлежит всякий раз исторически мотивированной интерпретации (реинтерпретации) и оценке (переоценке).

ВЕЧНОЕ И ПРЕХОДЯЩЕЕ

Исторические изменения МК происходят в зависимости от трансформации:

- ◆ социально-исторического и культурно-исторического контекста;
- ◆ места и роли (социокультурного статуса) МК в составе данной культуры;
- ◆ условий и форм функционирования МК в рамках той или иной культурно-исторической эпохи.

Перемены в МК касаются тематики и проблематики произведения, его героев, ситуаций и сюжета, жанрового состава, использования оптимального «языка культуры», востребованных форм и видов творчества — в качестве средств репрезентации МК, общего эмоционального тона, сопровождающего как создание, так и потребление текстов МК. В этом

смысле МК в античном или эллинистическом обществе принципиально отлична от МК средневекового общества, тесно связанной с религиозными догмами, предрассудками и суевериями; МК Возрождения отличается от МК барокко своим гуманизмом; МК Просвещения — от МК романтизма — своим рационализмом и т. д.

МК по преимуществу осуществляется в формах художественной культуры (т. е. литературы и искусства), но в той или иной мере затрагивает средства массовой коммуникации (журналистику, публицистику, литературно-художественную критику, риторику, рекламу, моду и т. п.). Совершенно непохожей на предшествующие типы МК был советский масскульт, жестко идеологизированный и классово заземленный на почве пролетарской культуры (массовые песни, политический плакат, производственный роман, пропагандистское кино, тип «нового человека», партийно-политические установки творчества, метод соцреализма, циничная революционная мораль, безудержная апологетика вождей и т. п.).

В меньшей степени масскультом бывают охвачены другие сферы культуры — религия, философия; менее всего — наука и техника. Все они в значительной степени надэтничны, наднациональны, общечеловечны. В той мере, в какой научные (особенно естественнонаучные) идеи и концепции, а также технические явления оказываются «освоенными» МК и превращены из открытий в сенсации, наблюдается их вульгаризация, профанация и дискредитация, а вместе с тем наносится ущерб научному и техническому знанию как таковому, которое низводится до уровня обыденного сознания (паранауки, парапсихологии, «народной» этимологии или медицины и т. п.) и бытовой привычки. Ущерб наносится и тем культурным «каналам», через которые наука и техника, а также философия и религия были препарированы для массового использования (беллетристика, журналистика, пресса, а в XX и XXI вв. — радио и телевидение, эстрада, Интернет).

МК представляет собой специализированную сферу интересов и культурного творчества, контролирующую свою аудиторию и манипулирующую ее сознанием. Однако к МК, трактуемой как область текстов, предназначенных «всем», могут обращаться и реально обращаются практически все деятели данной (исторически и локально) культуры, а не только специализирующиеся в области МК. Это определяется теми социальными, культурными, нравственными, эстетическими, сатирическими и иными целями и задачами, которые в каждом конкретном случае преследует автор, апеллируя к более узкой или более широкой аудитории, а в идеале — ко всем носителям культуры, вне какой-либо их дифференциации.

Так, например, комической оперой XVIII в. («Анюта» М. Попова, «Мельник — колдун, обманщик и сват» А. Аблесимова, «Санкт-Петербург-

ский гостиный двор» М. Матинского) увлекалась не только публика простонародного, но и дворянского происхождения [11], а стихами Вл. Бенедиктова, переполненными романтическими штампами, а позднее — С. Надсона восхищались не только восторженные провинциальные барышни, но и начинающие большие художники (вроде И. Тургенева в первом случае и Д. Мережковского — во втором).

Иногда автор или эпоха, к которой он принадлежит, не может сделать решающий выбор в пользу массовости или элитарности — создаваемые культурные тексты отличаются сложной многослойностью и принадлежат одновременно массовой, популярной, элитарной и, может быть, еще и традиционной культуре, соприкасаясь с различными сегментами актуальной культуры своими разными гранями. Пушкинские «Евгений Онегин» и «Пиковая дама», «Цыганы» и «Граф Нулин», «Повести Белкина» и «Капитанская дочка» относятся именно к такому типу многослойных и многозначных текстов. Подобными текстами располагают почти все русские писатели-классики — Н. Гоголь и М. Лермонтов, И. Тургенев и Н. Чернышевский, А. Островский и Н. Лесков, Л. Толстой и Ф. Достоевский, А. Чехов и М. Горький, что позволяло им довольно легко переходить из одного регистра актуальной культуры в другой (например, из МК в элитарную и наоборот).

В многозначных культурных текстах русской классики поверхностные слои (структуры) относятся преимущественно к массовой и популярной культуре, а глубинные слои (структуры) — к элитарной (философская концептуализация и символизация художественной реальности) или к соответствующим образом преломленной традиционной культуре (мифологические архетипы и фольклорные аллюзии, религиозные образы и концепты и т. п.). Подобным образом организованы многие произведения Н. Гоголя, А. Островского, И. Гончарова, Н. Лескова, М. Салтыкова-Щедрина, Л. Толстого и Ф. Достоевского, М. Горького, В. Маяковского, А. Блока, А. Ахматовой, М. Булгакова и др.

Еще показательнее иные виды искусства классического периода (нередко адаптировавшие литературные сюжеты русской классики — А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, А. Островского, Н. Некрасова): живописные работы художников-передвижников (В. Перова, И. Крамского, Н. Ге, И. Репина и др.); театральные и вокальные произведения композиторов «Могучей кучки» (Н. Римского-Корсакова, М. Мусоргского, А. Бородина и др.) одновременно претендовали на то, чтобы быть явлениями русской классики, элитарного творчества, и на то, чтобы распространяться среди широких масс зрителей и слушателей как явления массовой, притом коммерциализированной культуры [12; 13]. В XX в. широко распространено упрощенное тиражирование изыска-

зительных и музыкальных текстов классического происхождения в форме рекламы, товарной упаковки, брендовых лейблов, рингтонов и т. п., превращающих классические произведения в тексты МК.

Другая версия такой многослойности культурных текстов представляется как двухслойная (как минимум) «амальгама»: на поверхности — культура повседневности, социально-психологические и бытовые детали, а в глубине — культурфилософский, религиозно-философский или мифопоэтический подтекст. Подобная культурная «амальгама» имманентно несет в себе напряженную амбивалентность, конфликтность и проблемность ценностно-смыслового контекста, а также стоящую за ним интертекстуальность самого текста МК, в том числе понимаемого как своеобразные гипертекст или метатекст (с множеством отсылок к другим культурным текстам различных уровней). В случае такого двойственного строения актуальной культуры, включая и МК, авторская текстовая стратегия (в иных случаях — издательская стратегия) приобретает игровой характер и опирается на двойной код, соединяющий метанарративные и иронические дискурсы и обладающий функциональной универсальностью, — по отношению как к МК, так и к культуре элитарной [14].

Амбивалентный и маргинальный феномен культуры (возможный в любую культурно-историческую эпоху) обращен разными своими гранями к различным слоям и интересам аудитории, характеризующимся различной степенью приобщенности к культурным практикам и ценностям разного порядка (массового и индивидуального), и функционирует одновременно как срез МК и элитарной культуры, что создает особый «мерцающий» эффект «массовости/элитарности». Таковы, например, постмодернистские романы и подобные им сочинения В. Розанова, А. Белого, Дж. Джойса, М. Пруста, Т. Манна, Г. Гессе, Е. Замятина, Б. Пильняка, М. Булгакова, А. Платонова, В. Набокова, Г. Газданова, М. Зощенко, Б. Пастернака, В. Катаева, Дж. Фаулза, М. Павича, У. Эко и т. п., а в современной русской литературе — произведения Вен. Ерофеева, Т. Толстой, Б. Акунина, В. Сорокина, В. Пелевина, А. Королева и др.

Культурные явления, возникающие на границе МК и «снятой» культуры и рассчитанные на кратковременный успех (в частности, коммерческий) в массовой аудитории, характеризуются смысловой бедностью и однозначностью своего содержания и выражения и, значит, в принципе не обращены к элитарной и популярной культуре (в каких-либо аспектах), не связаны с традиционной (народной) культурой ни генетически, ни поэтически, а потому обречены на скорое и необратимое забвение. Такова «однодневная» беллетристика Д. Донцовой, Т. Устиновой, Г. Куликовой, М. Серовой и др., еще более однообразные и бесцветные сочинения современно-

го русского масскульта, впрочем, ни в чем не уступающие международным стандартам МК.

Представленная в настоящей статье релятивистская концепция истории культуры, на наш взгляд, способствует пониманию того, что культура на всем протяжении ее истории многомерна и внутренне дифференцирована. Это важно для осмысления феномена массовой культуры, который не отделен никакими непреодолимыми границами от других явлений культуры, постоянно связан с ними, активно влияя на них и испытывая на себе их мощное воздействие, и выступает всякий раз как движущий фактор культурно-исторического развития.

Список источников

1. *Кавелти Дж.Г.* Изучение литературных формул // Новое литературное обозрение. 1996. № 22. С. 33–64.
2. *Лихачев Д.С.* Человек в литературе Древней Руси. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1958. 186 с.
3. *Лихачев Д.С.* Этикет Древней Руси : (к проблеме изучения) // Труды Отдела древнерусской литературы. Ленинград : Изд-во АН СССР, 1961. Т. 17. С. 5–16.
4. *Пропл В.Я.* Русская сказка. Москва : Лабиринт, 2005. 384 с.
5. *Пропл В.Я.* Морфология «волшебной» сказки. Исторические корни волшебной сказки. Москва : Лабиринт, 1998. 512 с.
6. *Лотман Ю.М.* Массовая литература как историко-культурная проблема // Избранные статьи : в 3 т. Таллинн: Александра, 1993. Т. 3. С. 380–388.
7. *Штриндтер Ю.* Плутовской роман в России : К истории русского романа до Гоголя. Москва ; Санкт-Петербург : АИРО- XXI : Алетейя, 2015. 416 с.
8. *Рейтблат А.И.* Фаддей Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции : ст. и материалы. Москва : Новое литературное обозрение, 2016. 632 с.
9. *Переверзев В.Ф.* У истоков русского реалистического романа // У истоков русского реализма. Москва : Современник, 1989. С. 20–152.
10. *Рейтблат А.И.* От Бовы к Бальмонту : очерки по истории чтения в России во второй половине XIX века. Москва : Изд-во МПИ, 1991. 224 с.
11. *Гуковский Г.А.* Русская литература XVIII века. Москва : Аспект Пресс, 1998. С. 206–209.
12. *Шабанов А.* Передвижники : Между коммерческим товариществом и художественным движением. Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 336 с.
13. *Лобанкова Е.В.* Национальные мифы в русской музыкальной культуре : От Глинки до Скрябина : историко-социологические очерки. Санкт-Петербург : Изд-во им. Н.И. Новикова : Галина скрипит, 2014. 416 с.
14. *Эко У.* О литературе. Москва : АСТ : CORPUS, 2016. С. 264.

MASS CULTURE: THE EXPERIENCE OF THE THEORY OF RELATIVITY

IGOR V. KONDAKOV

Russian State University for the Humanities, 6,
Miuskaya Sq., Moscow, 125993, Russia
State Institute for Art Studies, 5, Kozitsky Lane,
Moscow, 125009, Russia
Nanjing University, 22, Hankou Road, Gulou District,
Nanjing, Jiangsu Province, 210093, P.R. China
E-mail: ikond@mail.ru

Abstract. *The phenomenon of mass culture, considered in the scale of “big time”, helps understand the place of mass culture in the history of culture, mainly Russian, its relations with folk (traditional) and elite cultures, the transformation’s origins and mechanisms in different cultural and historical periods. Mass culture is investigated in the light of the author’s conception of architectonic of culture and relativistic cultural studies. This provides an opportunity to reconsider the traditional understanding of mass culture as a phenomenon of the 20th — 21st centuries and to show the relativity of all the concepts that explain the processes of massification and individualization of culture, closely interconnected.*

The relativistic conception of cultural studies, presented in this article, aims to prove that culture, throughout its history, is multidimensional and internally differentiated. It always tends to individualize (personalize) and mass the values, norms and meanings. Its architectonics includes several levels: the elite, popular, mass, folk, and “forgotten” kinds of culture, the boundaries between which are blurred and uncertain. Between the “floors” of each actual culture, there are social and cultural “elevators”, which make the value status of mass and elite, folk and popular cultures variable, historically conditioned. In some cases in the history of culture, a two-layer “amalgam” can be formed, combining the texts of mass and elite cultures into a single phenomenon, which will show its surface and deep structures to different “slices” of its audience and own a “dual code” connecting metanarrative and ironic discourses and having functional versatility in relation to any cultural “register” and the general context of culture.

Key words: mass culture, massification and individualization, architectonics of culture, sociocultural elevators, phenomenon of two-layer amalgam, dual code.

Citation: Kondakov I.V. Mass Culture: The Experience of the Theory of Relativity, *Observatory of Culture*, 2017, vol. 14, no. 5, pp. 516–523. DOI: 10.25281/2072-3156-2017-14-5-516-523.

References

1. Cawelti J.G. The Study of Literary Formulas, *New Literary Observer*, 1996, no. 22, pp. 33–64 (in Russ.).
2. Likhachov D.S. *Human Dimension of the Old Russian Literature*. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1958, 186 p. (in Russ.).
3. Likhachov D.S. The Etiquette of the Ancient Rus (To the Problem of the Study), *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. Leningrad, AN SSSR Publ., 1961, vol. 17, pp. 5–16 (in Russ.).
4. Propp V.Ya. *The Russian Fairy Tale*. Moscow, Labirint Publ., 2005, 384 p. (in Russ.).
5. Propp V.Ya. *Morphology of the “Fairy” Tale. Historical Roots of the Fairy Tale*. Moscow, Labirint Publ., 1998, 512 p. (in Russ.).
6. Lotman Yu.M. Mass Literature as a Historical-Cultural Problem, *Selected Articles: in 3 vol.* Tallinn, Aleksandra Publ., 1993, vol. 3, pp. 380–388 (in Russ.).
7. Shtridter Yu. *The Picaresque Novel in Russia: To the History of Russian Novel before Gogol*. Moscow, St. Petersburg, AIRO-XXI Publ., Aleteiya Publ., 2015, 416 p.
8. Reitblat A.I. *Faddey Bulgarin: An Ideologist, Journalist, Consultant to the Secret Police: materials*. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2016, 632 p.
9. Pereverzev V.F. The Origins of the Russian Realistic Novel, *The Origins of Russian Realism*. Moscow, Sovremennik Publ., 1989, pp. 20–152 (in Russ.).
10. Reitblat A.I. *From Bova to Balmont: Essays on the History of Reading in Russia in the Second Half of the 19th Century*. Moscow, MPI Publ., 1991, 224 p. (in Russ.).
11. Gukovsky G.A. *Russian Literature of the 18th Century*. Moscow, Aspekt Press Publ., 1998, pp. 206–209 (in Russ.).
12. Shabanov A. *Peredvizhniki: Between a Commercial Partnership and an Artistic Movement*. St. Petersburg, 2015, 336 p. (in Russ.).
13. Lobankova E.V. *National Myths in the Russian Music Culture: From Glinka to Scriabin: historical and sociological essays*. St. Petersburg, N.I. Novikova Publ., Galina Skripsit Publ., 2014, 416 p. (in Russ.).
14. Eco U. *On Literature*. Moscow, AST Publ., CORPUS Publ., 2016, p. 264 (in Russ.).